Сегодня. — 1993 — 4 июня. — С. 12.

Сияние нежного ада

Ингмар Бергман. «Маркиза де Сад». Пьеса Юкио Мисимы

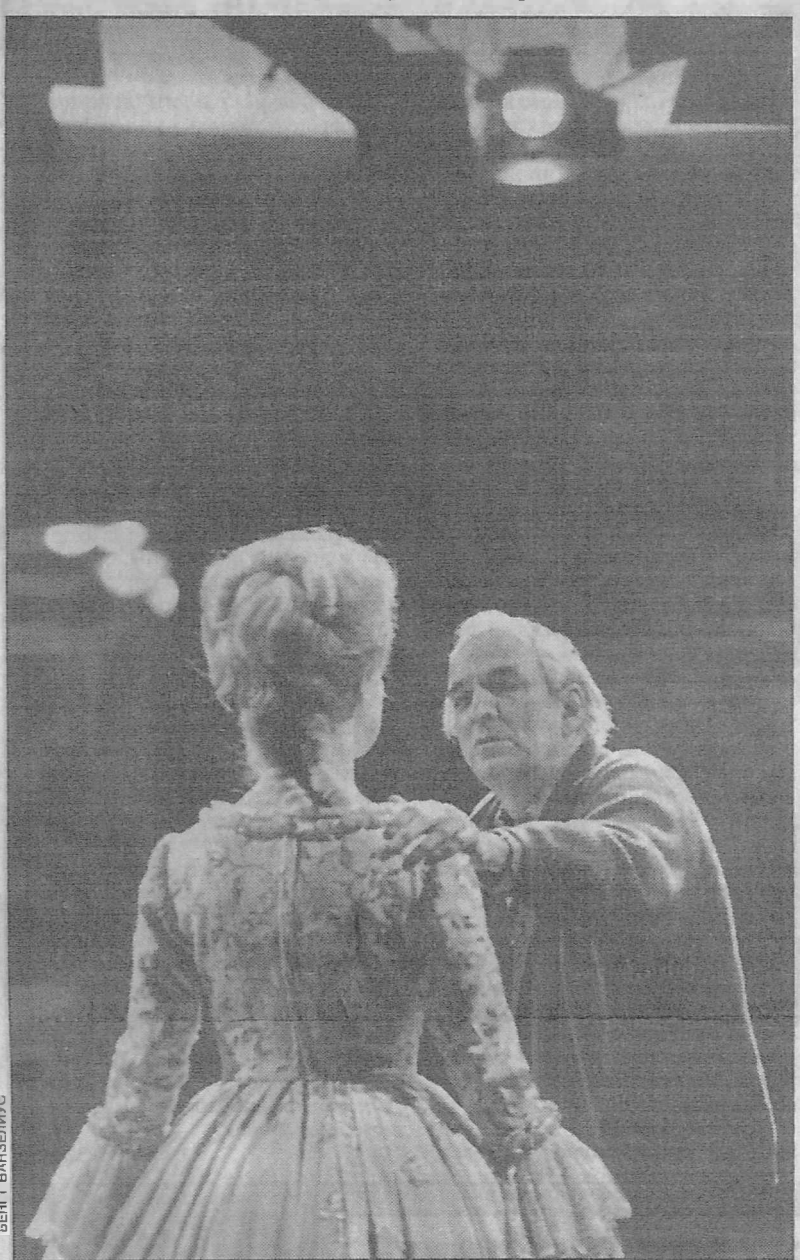
С 10 по 23 мая в Вильнюсе проходил Международный театральный фестиваль Life. Одним из самых значительных событий фестиваля стал спектакль Ингмара Бергмана в Шведском Королевском Драматическом театре.

Юлия Гирба

Спектакль, посвященный истории жизни маркизы де Сад, — прежде всего гимн режиссеру Бергману. Его истовость, его фанатичное служение творчеству проступают сквозь это изысканное зрелище. Прозрачный, как янтарь, отполированный временем и согретый солнцем, спектакль хранит в себе судьбы ужасные и удивительные. В манере «напряженной пустоты» театра. Но в течение трех актов (первого — зелено-лилового, второго — кроваво-красного и третьего — серого со вспышкой желтой молнии) героини через три потока «элементов материи и сознания», три потока дхарм идут к финальному просветлению — сатори и погружению (уже за пределами спектакля) в спасительную, закрытую от земных страданий нирвану.

Как это было не раз, Бергмана заинтересовала персона женщины, но на этот раз понятая через экзотику. Но, как ни заманчиво сообщить, что Бергмана занимает только конкретная история становления личности (кроткой и законопослушной поначалу) Рене — история ее дао, упускать из вида более общую (обширную) тему «гений и люди», было бы неточно. Прощание Бергмана с уходящим навсегда временем сосредоточилось в образах всех шести героинь, незримо связанных с гением злодейства. Отсутствующий (по известным причинам) на сцене маркиз определяет облик, манеру поведения и экзистенциальный выбор каждой из участниц долгой, двадцатилетней истории. Отсутствующий же (по понятным причинам) на сцене Бергман с абсолютной сосредоточенностью выявил смысловое ядро пьесы через виртуозную и жертвенную игру актрис.

Подобно силе воздействия на умы великого «писателя-реалиста», сила воздействия этого сияющего чистотой театрального текста более чем «реальна». Простые мизансцены, ясная как день цветовая гамма, отсутствие каких бы то ни было аттракционов не помешали, а помогли Бергману сделать спектакль. Последний в трилогии, показанной на бывшей советской территории. Сияние холодной красоты «Маркизы» завершает начатое в «Гамлете» и «Фрекен Юлии» выявление иррационального простейшими театральными средствами. В «Маркизе» абсолютное доверие к актеру как средству и цели театра торжествует вполне.



БЕНГТ ВАНЗЕЛИУС

Актрисы переполнены Бергманом. Они виртуозно исполняют тончайшую психологическую партитуру. Они — прекрасные марионетки, идеальные проводницы того сияния, которое вдохновляет Бергмана на беспримерный (по Делезу — садомазохистский) подвиг. Банальный сюжет: маркиза была женой человека по имени маркиз де Сад, маркиза поняла гений человека по имени маркиз де Сад (и ушла в монастырь). Холодный и агрессивный (по собственному признанию Бергмана) европейский темперамент «одержимого бесом театра» побеждает наивную страстность и фанатизм японца Мисимы.

Бергман возвеличивает судьбу героини. Поруганная, «разоблаченная», но торжествующая природа — Рене — устремляется прочь от неземного света, настигающего Сада, к Богу, который (по Бергману, отнюдь не по Саду) не есть выход или спасение от одиночества, а есть исход. Такой финал был бы необычайно далек от нашего садирующего конца века, если бы не отсутствующая у Мисимы последняя сцена, сочиненная Бергманом. Оставшаяся на пустой сцене служанка поднимает оброненный Рене томик «Жюстины» и, стряхнув с него пыль, уносит в кармане фартука. Сада понесли в народ.

Тела же зрителей, по формулировке исследователя, «сформированные Террором», отправляются восвояси, пребывая в мучительных терзаниях: где взять валюту для покупки билетов на следующие фестивальные спектакли. Что неоспоримо доказывает их принадлежность «к разряду тел, генеалогией которых занят маркиз де Сад».